

Колдовские Миры

ДРАКОНИЙ ЖЕМЧУТ

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

Annotation

Когда дракон — Повелитель Морей и Дождей находит свою жемчужину, то взлетает в небо. Человеку же для того, чтобы взлететь, надо найти любовь, а сделать это сложнее, чем отважной ныряльщице отыскать драконий жемчуг в глубоких и опасных водах морей, омывающих Страну утренней свежести.

Однажды юную ныряльщицу судьба столкнула со ссыльным аристократом, сыном королевского министра. Не сразу удалось понять девушке, что не так с этим заносчивым красавцем и что за силы плетут заговор вокруг него. А потом им обоим осталось только сражаться: за свою жизнь и за свою любовь.

Наталья Колесова

Драконий жемчуг

© Колесова Н.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Ха На вынырнула из воды так стремительно, словно ее подтолкнули снизу. Может, какой-то мультвисин, водяной дух, озаботился, заметив, что ей уже не хватает воздуха? Бабушка поговаривает, неподалеку от деревни обитает добрая душа утопшей хэнё^[1], которая присматривает за незадачливыми ныряльщиками. Может, так оно и есть.

Девушка выдохнула, как ее учили, издав что-то вроде гортанного звука «а-а-ох» для восстановления дыхания. Приблизилась к пустой тыкве с грузилом, плававшей в темной воде подобно оранжевому солнцу, сбросила в сетку добычу — рапаны да трепанги — и, подталкивая ее перед собой, поплыла к лодке дедушки Хван Гу. Старик, единственный на всю округу ныряльщик-мужчина, бессовестно спал, а ведь должен зорко следить за погодой, за морем и за ней самой! Даже когда девушка перевалила через борт добычу, а потом влезла и сама, и лодку заметно качнуло, продолжал дрыхнуть, сложив на животе руки, с закрытыми глазами, маленький, морщинистый, невозмутимый и благостный. Ни дать ни взять статуэтка просветленного Будды, какие в храме стоят.

Если не знать, конечно, какой он вредный и злоехидный. Ха На обтерлась, натянула одежду и осторожно коснулась руки Хван Гу.

— Дедушка?

— Чего так рано вернулась-то? — не раскрывая глаз, бормотнул тот. — Лентяйка ты, никчемная девчонка!

— Уже полдень, дедуля, — спокойно сообщила Ха На. — Хватит на сегодня.

— И что полдень? — привычно разворчался тот. — Придумали тоже — полдень! Мы вот в ваши годы...

Известно, что сейчас наговорит. Мол, когда он был молод, они на берег вообще не выходили. И днем ныряли, и даже ночью. И летом, и зимой. Как же они тогда всех тварей морских не извели, уму непостижимо! Старик ворчал, не переставая, до самого берега. Может, так грести ему легче? Ха На, не вслушиваясь, сортировала добычу. Большую часть все равно заберет управляющий. Пусть видит, что без обмана — покрупнее да получше для него, а им и мелкие, старые да корявые сойдут. Часть продадут-обменяют, часть сами съедят.

Вытащили лодку на берег. Пока Ха На собирала сетки и ножи, старик шустро наклонился и схватил уроненного под скамью морского окуня. Рыба трепыхалась в его кривых из-за больных суставов, но все еще цепких пальцах.

— Ну-ка, что тут у нас?

И проворно сунул окуня за пазуху.

— Дедушка! — испуганно воскликнула Ха На, обшаривая берег взглядом. Обычно хэнё относили добычу прямо к дому чиновника, но иногда управляющий являлся на берег сам, дабы уличить их в воровстве — утаивании податей. В этот раз обошлось.

— Чего? — недовольно отозвался Хван Гу и поковылял по берегу прочь, придерживая одной рукой ворот чогори^[2], а другой — занемевшую спину. С одной стороны, красть нехорошо, опасно. С другой — морской окунь — добыча редкая и вкусная, а старик все равно

вечером притащит рыбу к ним домой, чтобы съесть вместе...

Делянка их была скудной, бабушка болела все больше и все чаще оставалась на берегу, а подати только росли. Опять будет брань да укоры. И самой-то слушать тошно, а уж в присутствии удачливых товаров... Так что к управляющему Ха На плелась нога за ногу. Надеялась, все к тому времени разойдутся.

Не тут-то было! Народу перед двором уездного главы Ли Мэн Сока сегодня собралось непривычно много. И не только ныряльщицы, но и другие жители. Толпились, возбужденно переговариваясь, вытягивали шеи, толкались локтями, чтобы продвинуться поближе или поделиться чувствами с соседом. Ха На повыглядывала так и эдак, но росту в ней всего ничего, и что было причиной волнения — увидеть не удалось. Может, разбойника какого поймали? Или беглого ноби^[3]?

— Что там? Ну что там? — бормотала Ха На, проталкиваясь вперед. Твердое плечо вредной тетки Ма Ро оттеснило ее обратно в толпу.

— Что-что, — проворчала Ма Ро презрительно. — Ссылного янбана^[4] привезли, вот что!

Ссылали на остров нередко, но Ха На видела таких — все больше изменщиков да проворовавшихся чиновников — лишь иногда и краем глаза. Некогда ей. У нее работа, огород, бабушка. Пускай себе живут, лишь бы их пути не пересекались.

— А, — сказала Ха На, потеряв всякий интерес. Принялась искать глазами управляющего: сдать добычу да домой. Нужно еще к шаманке зайти, пусть травок бабушке даст, а то в последнее время совсем плохая стала. Да и то сказать страшно — за шестьдесят уже перевалило! Но если бабушка отправится к духам предков, Ха На совсем одна останется. Надо потом еще и в буддийский храм подняться, попросить монахов написать пожелание здоровья.

— Ух, какой красавчик, гляньте! — Женщины указывали на парня, стоявшего в распахнутых воротах.

Наверное, потому он соседкам понравился, что не походил ни на крестьянина, ни на рыбака, ни уж тем более на ноби: осанка, волосы узлом; руки, за спиной сцепленные. А что одежда простая — так короля обряды в нищего, все равно стать да повадки укажут священную особу. Так и этот. Даром, что молчит и голову склоняет, а все одно видно, с трудом сдерживается, слушая, что чиновник старику — видать, тому самому янбану — вещает. Сын? Секретарь? Ссылных частенько привозили со всей семьей и челядью — если не было на то другого указа.

— Жалко паренька, заморит ведь господин Ли, — промолвила Ма Ро, добротой никогда не отличавшаяся. — Слыхали, велел поселить их в Становище духов? А все знают, кто туда войдет, не жилец уже!

Вокруг закивали, заворчали. Ха На тоже нахмурилась. Но не потому, что была согласна. Просто ей самой этот заброшенный дом был к душе. С детства туда бегала — сначала от отца, на колотушки скорого, а потом от насмешек ровесников. Была она тогда маленькой да щуплой, что мелкая креветка, а на каждую дразнилку и обзывание вспыхивала и лезла в драку. Попадало, конечно, вот и сидела там часами, зализывая раны на теле и на непомерной, как отец говорил, гордости. Если в Становище и обитали духи, то только добрые: успокаивали, обдували синяки да ссадины, осушали злые слезы. А если уж она придремывала, сны снились только добрые, солнечные и сытные. Она и сейчас иногда в тот брошенный дом заглядывала. Уже не чтобы спрятаться — просто посидеть, подумать.

Помечтать. Мечты случались такими странными, что и не Расскажи, но могла и находила время мечтать она только там. А теперь что же — и шагу туда не ступи? Будут в Становище какие-то осужденные янбаны жить! Ха На чуть от досады ногой не топнула да в пыль не плюнула. Вот ведь незадача!

Народ загомонил, зашевелился. Повели в Становище ссыльных дворян и пожилых слуг, которых с хозяевами привезли, верно, за негодностью в другом месте. Старик впереди — видно, что устал и тяжел, но от надменности не позволяет себя под локоть поддерживать. «Красавчик», на голову выше, следом шагает, ни на кого не смотрит, лицо злое. Как такой может понравиться? Уж она бы красивым его ни за что не назвала! Ей самой парни добрые да приветливые к душе. Вон как сын господина Ли. Тот нос не задирает, всегда найдет ласковое словечко и для нее, бестолковщины, которая даже глаза на него боится поднять, не то что ответить.

Кое-кто любопытный потянулся следом — надсмотрщики разогнали, от важности чуть не лопаются. Толпа постояла еще, посудачила, но, едва ворота на чиновничий двор закрылись и управляющий вышел, скоренько вспомнили о работе да заботах.

Ха На получила свою привычную порцию брани за небогатый и неказистый улов. Хорошо, с тех пор как бабушка пригрозила управляющему руки оборвать и рыбам скормить, отвечать затрепины внучке тот остерегается. Ведь прозвище Морская Ведьма старая хэнь получила не только за самые лучшие уловы, но и за нрав крутой.

Даже сейчас, лежа, охая да постанывая, бабушка все одно раздавала приказы и нелестные характеристики и внучке, и заглянувшему таки вечером Хван Гу. Дед жил неподалеку, наведывался от одиночества часто, и Ха На привыкла к их вечным перепалкам. Эти двое с молодости жили в соперничестве и ссорах и свою искреннюю привязанность и поддержку так до сих пор и выражали. Бабушка то и дело хлопала соседа по загребушим рукам: следила зорко, чтобы внучке доставался лучший кусок рыбы и самая большая порция кимчи^[5].

На рассказ о сосланных янбанах неожиданно вздохнула:

— Вот ведь бедняги! Старик да мальчишка норовистый... не привыкли ни работать, ни шею гнуть... сгинут, как есть сгинут! Ха На, ты глянь там, как устроились, может, помощь какая нужна.

У внучки от неожиданности кусок не в то горло пошел. Прокашлялась, глаза вытаращила.

— Бабушка, да на что они нам сдались?!

— Сходи-сходи. В глаза не лезь, просто погляди.

Хван Гу в кои-то веки поддержал «строптивую девчонку»:

— И впрямь, старуха, чего это ты удумала?

Та сидела, закутанная во все одеяла, что есть в доме, — ни дать ни взять крепенький кочан капусты. Глаза прикрыла, будто уснула или внимательно к чему-то прислушивается. Посидела, шумно потянула носом и молвила:

— Чую, ветер меняется.

Ха На тоже принялась, море послушала. Не дано ей пока, как бабушке, перемену предсказывать. Но та сейчас говорила вовсе не о погоде. Уставилась на внучку слезящимися глазами и повторила:

— Новый ветер пришел вместе с ними. Так что сходи глянь!

В этот раз и спорщик Хван Гу язык прикусил. Если старая хэнь говорит такое, то с ней и

деревенская шаманка не спорит, а делает.

Вот и внучке, хоть и с досадой, пришлось покориться.

Но оттягивала она посещение янбанов как могла — то есть пару-тройку дней. Лишь когда бабушка несколько раз спросила, побывала ли, да все грознее и грознее, все-таки поплелась к дому призраков... теперь ссыльных. На подходе к Становищу разогнала любопытных деревенских ребятишек, подглядывающих за новенькими. Обругала, затрепины зазевавшимся отвесила, да еще грозно потопала вслед ногами, чтобы сразу не вернулись и не обнаружили, что занимается она тем же самым.

Ха На с детства облюбовала дерево на склоне: сколько лет то кренилось и грозило упасть в море, столько и продолжало упорно цепляться за скалу. Одна ветка толщиной с ее ногу простиралась прямо над Становищем. Девушка проползла змеей по шершавой коре и прилегла среди густой листвы — невидимая и внимательная.

Сразу видно, обитают здесь уже не духи, а люди. Дом подлатали, как было возможно за такое короткое время. Кое-где свежая кладка; окна со стороны моря за неимением рисовой бумаги прикрыты деревянными ставнями — и то сказать, ветра здесь, на верхотуре, бывают такими, что и сами ставни не мешало бы заколотить; старая печь вычищена и растоплена; терраса отскоблена до белизны; трава между камнями двора вырвана. Работящие у ссыльных слуги, ничего не скажешь!

Вон пожилая женщина что-то в котле помешивает. Ха На потянула носом, не поняла, чего съедобного варят. Старого янбана не видно, а молодой — девушка изогнула шею, оглядывая двор, — вот он! Стоит у каменной полуразрушенной стены, ограждающей дом от крутого склона. Руки за спиной, словно так и связаны со дня прибытия, осанка по-прежнему прямая (правильно бабушка говорит, не привыкли гнуть ни спину, ни шею!). На море смотрит.

Парень молниеносно развернулся — Ха На чуть не отпрянула — и уставился прямо на нее.

— Что тебе надо? — спросил резко. Говор не островной, но Ха На поняла — и слова, и тон. Ей бы задом-задом и удрать, но с испуга мышцы просто превратились в тток^[6], и девушка шмякнулась с ветки на камни двора. От удара пришла в чувство, вскочила, готовая и бежать, и драться, если придется. Молодой хозяин тремя большими шагами оказался рядом, схватил за плечи — пальцы ровно когти, не вырваться!

— Что-ты-здесь-делаешь?!

В такт каждому своему слову еще и встряхивал ее. И захочешь-то, ничего разумного не скажешь! Еще и сунулся к самому лицу девушки, недобро сощутив глаза:

— Шпионишь?!

Ха На растеряннo заморгала: ну да, шпионит. По приказу бабушки. Но, похоже, парень кого другого имел в виду, уж очень разозлился, излупит вот-вот. А силищи в нем, судя по мускулистым рукам и широким плечам, немало — видно, что на мясе рос! Девушка начала изгибаться и вырываться. Поняв, что она сейчас выкрутится из его хватки, янбан перехватил ее так, что Ха На оказалась прижата к нему спиной. Еще и руки сцапал за запястья. Оставалось только биться затылком в его грудь да лягаться — но соломенные сандалии мягкие, хоть бы что ему.

— Ну и что дальше? — выдохнул он ей в ухо. Вроде даже и весело. Ха На застыла в угрюмом раздумье. Замершая с ложкой в руке повариха глядела на них, открыв рот. Больше на дворе никого не было, только птицы чирикали, да плясали на камнях солнечные пятна.

Где старый господин, где остальные слуги? Кто образумит этого гневливого янбана? Ха На вздохнула.

— Пусти, — пробормотала, глядя перед собой.

Сжал еще сильнее — аж ребра хрустнули. Встряхнул.

— Как разговариваешь?!

— Пусти...те, — подумав, добавила: — Господин.

— Ответишь, кто послал шпионить, — отпущу.

— Бабушка, — честно ответила Ха На.

За спиной помолчали.

— Что еще за бабушка?

— Моя.

— И зачем она тебя послала?

— Тревожилась, как вы устроились. За здоровье старого господина. За благополучие молодого господина, — добросовестно изложила Ха На. Про перемену ветра говорить не стала — и сама не понимала. — Может, помочь надо чем.

Хватка немного ослабла.

— А что, твоя бабушка какая-нибудь богатая госпожа?

— Нет, почему, хэнё она, — удивилась девушка. Жесткие руки разжались так внезапно, что Ха На чуть не упала. Парень рывком развернул ее к себе.

— Меня что, жалеет какая-то... ноби?!

Близкое холеное — не палило его солнце на рисовых полях, не просаливала морская вода, — злое лицо. Отчего-то забота оскорбила его куда больше, чем выдуманное им самим шпионство. Кто ищет обиды, найдет ее себе всегда и всюду; радовался бы, что хоть кто-то о нем беспокоится и добра желает! Открыла рот Ха На, чтобы парня вразумить... но пожала плечами, на которых лежали тяжелые руки. Кто она ему? Раз родители не воспитали как должно, уже не переломишь; что выросло, то выросло... Только и сказала:

— Здравствуйте, тетушка!

Женщина у печки спохватилась, рот закрыла, руки под фартук спрятала и даже поклонилась суетливо — от растерянности.

Парень вновь встряхнул незваную гостью за плечи — да так у нее голова в конце концов отвалится! Прошипел:

— Со мной говори!

А толку-то? Ха На уставилась в близкие недобрые глаза и постаралась произнести со всей возможной кротостью:

— Я ответила на все ваши вопросы, господин. Прошу, отпустите меня.

Не получилось: видать, островная вежливость была ему не по вкусу.

— Смотрю я, здесь и девки, и ноби слишком наглые — прямо в глаза глядят! Проваливай, да чтобы больше я тебя здесь никогда не видел!

Еще и в спину подтолкнул так, что Ха На, пролетев через полдвора, упала, ладони и колени о камни разбив. Вставала медленно, отряхивая руки и юбку. Вместе с пылью пыталась выхлопать из себя злую обиду. Сам-то давно в зеркало смотрел? Сосланный, из имущества только гонор да память о лучших денечках, а туда же — вана^[7] из себя строит!

Иногда уесть сильнее может вовсе не ругань, а простая насмешка. Ха На согнулась в притворно-почтительном поклоне.

— Простите, господин, что докучаем вам ненужной заботой и вниманием! Если б

знали, что вы тут на золотых блюдах небесные дары вкушаете, то и близко бы к вашему нефритовому дворцу не подошли!

И, повернувшись, похромала к выходу со двора. Услышала за спиной разъяренное «Ах, ты ж!». Попыталась увернуться, но янбан вновь ухватил ее — теперь за косу.

— А ну стой!

— Вижу, развлекаетесь?

Оба глянули в сторону ворот. Там, прислонившись плечом к камню, стоял улыбавшийся Ли Сын Хи. Сын чиновника Ли. Тот самый, при виде кого у девушки слабели колени и горели щеки. И сейчас он видит ее такой: грязной, жалкой, злобно схватившейся с безмозглым задирой!

— Отпустите девочку.

Но янбан лишь намотал косу на кулак, подтащив к себе зашипевшую от боли хэнё. Смотрел, откинув голову и подняв брови. Хотя и был он ниже чиновничьего сына, получилось все равно свысока. Может, этакому взгляду как раз в столицах и обучают. Но Ли Сын Хи с его ростом, открытым взглядом и солнечной улыбкой смотрелся, по мнению девушки, куда внушительней.

— А это что, *твоя* ноби?

— Нет, королевская хэнё. Не знаю, чем уж она перед вами провинилась, но уверен, не со зла. Отпустите девочку.

Ха На скосила глаза на янбана. Тот тоже улыбался. Но улыбка вопреки обыкновению делала его лицо еще злее и надменнее.

— А то что?

Сын Хи демонстративно вздохнул.

— А то покалеченная хэнё принесет в казну мало податей. И за это ее потом еще и наказать придется.

Янбан некоторое время смотрел на него сощуренными глазами, потом резко разжал пальцы. Ха На тут же предусмотрительно отскочила в сторону. Потерла горящую припухшую кожу затылка — удивительно, что еще волосы с корнем не вырвал! Бочком прошла в воротах мимо сына господина Ли.

— Пстой, — сказал тот, подняв руку, но ее не коснувшись. — Как здоровье твоей бабушки, Ха На?

— Ей лучше, господин, — отозвалась девушка, упорно глядя себе под ноги. Знала, что, если посмотрит в его приятное приветливое лицо, язык просто онемееет.

— Это радует. Иди же.

Ха На низко поклонилась, исподлобья бросила многообещающий взгляд на ссыльного янбана — тот взирал хмуро — и быстро-быстро пошагала по еле видной тропинке к деревне.

* * *

Девчонка стала ему неожиданным спасением.

Ким Сон^[8] Ён был как будто оглушен всем происходящим: внезапный арест отца, скорый несправедливый суд, лишение всего имущества, расставание со столицей и с родным домом, долгое мучительное путешествие... Во время плаванья отец страдал морской болезнью и не поднимался на палубу. Зато молодой человек почти все время находился

наверху, дыша полной грудью и рассматривая горизонты с торчащими то там, то сям туманными островками. Здесь, в Южном море^[9], можно было воочию убедиться, что родная страна — действительно «страна тысячи островов». И на самый большой из них сейчас везли его семью. Вернее, то, что от нее осталось: отец, он сам да пара старых домашних слуг.

Но в плавании — то ли из-за созерцания безбрежной водной глади, сливающейся с небом, вечно движущихся волн, которых не беспокоят песчинки человеческих судеб; то ли потому, что в душе или в памяти ворочалось нечто столь же огромное, готовое вырваться наружу, — тоска отступила, и настроение стало неожиданно приподнятым. Словно морской ветер, ветер перемен обещал что-то грандиозное и захватывающее.

Вот тебе и грандиозное!

Чиновник Ли Мэн Сок, олицетворение здешней уездной власти, с лицом хитрым и продажным, не скрывающий злорадства по поводу судьбы рухнувшего с такой высоты министра Кима. И они с отцом теперь будут зависеть от его прихотей и милостей! Жилище дряхлое, убогое, стоящее на всех ветрах вдали от городка и даже от рыбацкой деревни. Им предстоит провести всю оставшуюся жизнь среди рыбаков, крестьян и ноби...

Девчонка с глазами любопытного зверька, дерзкая и верткая, внезапно встряхнула Сон Ёна из серого тумана меланхолии, как из заточения в пыльном мешке. Целых полчаса он не думал о несправедливости бытия, о потерянной семейной чести, о своей разрушенной жизни. Злился, ругался, даже немного дрался — и все это безотносительно собственной печальной судьбы.

Сынок чиновника Ли пришел поглазеть на него и мимоходом девчонку выручил.

Но как хэнё смотрела на этого самого Ли Сын Хи! Словно на божество какое. Видно, что влюблена в его смазливую физиономию, сладенькую улыбочку и слова. А раз уж тот за нее вступился, теперь и вовсе голову потеряет! Молоденькая дурочка. Не соображает, что ныряльщица сыну чиновника не ровня. Что ж ее бабка нашла время побеспокоиться о совершенно чужих людях, а о собственной внучке и сердце не болит?

На следующее утро Сон Ён впервые вышел за пределы своей добровольной домашней тюрьмы. В деревню решил не ходить: ни к чему устраивать из собственной персоны развлечение для простолюдинов. И так уже наглазелись в первый день, да еще и подсматривают то и дело за их обустройством на новом месте. Молодой человек спустился к морю, побрел вдоль кромки воды. Рыбачьих хижин и причалов здесь не наблюдалось, берег был безлюдным. Сон Ён ступал по черным камням на самой границе суши и моря, машинально стараясь не замочить ног. Давний запрет шаманки, приглашенной к часто и тяжело болевшему сыну семьи Ким (до двадцати пяти лет не окунаться в морскую воду и не носить ничего зеленого), все еще действовал, хотя уже давно ни он сам, ни родные не вспоминали, ради чего те правила соблюдаются.

Поодаль от берега покачивалась лодка с одиноким неподвижным рыбаком. Зато в воде рядом кто-то плескался. Дельфин кормится? Он прищурился: не-ет, вынырнувшая из воды голова ни дельфину, ни тюленю не принадлежала. Ино^[10] тоже вроде бы свои роскошные волосы в обычный узел на затылке не завязывают... Значит, хэнё. Когда женщина вновь ушла под воду, он машинально начал отсчет. Одна минута, другая... Сон Ён нагнулся вперед, вглядываясь в воду. Не пора ли уже задремавшему подручному самому нырять за ныряльщицей?

Выплыла! Он вздохнул с облегчением, только сейчас заметив, что и сам все это время сдерживал дыхание — до боли в груди и черных мошек в глазах. Кажется, хэнё решила, что

на сегодня достаточно, забралась в лодку. Сонный рыбак встрепнулся и погреб к берегу. Встречаться с ними не хотелось, и молодой человек отправился дальше. За спиной проскрежетало о камни днище вытаскиваемого суденышка. Неразборчиво заговорили. Неразборчиво не только потому, что звуки относил ветром, но и из-за этого их варварского островного диалекта. Хорошо, если одно слово из трех понятно. Вот не думал, не гадал, что придется в собственной стране изучать родной язык, будто иноземный...

Сон Ён не то чтобы слышал шаги, скорее, почувствовал движение за спиной. Машинально обернулся и чуть не отпрянул — перед ним стоял низенький, ростом ему по пояс, старичок: ни дать ни взять здешний харубан^[11]! Глядел с задиристым бесстрашием в блеклых глазах. Молодой человек не сразу понял обращенный к нему вопрос:

— Почто ходишь там, где хэнё работают, парень?

Можно было проигнорировать столь неуважительное обращение: обычно «подлый люд» в его присутствии кланяется, срывая шляпу, и не разгибается, пока янбан не пройдет. Но Сон Ён невольно заинтересовался:

— А почему нельзя?

Старик от возмущения подпрыгнул, попытавшись ткнуть сухоньким кулаком в грудь — Сон Ён машинально уклонился от удара.

— Он еще спрашивает! Спрашивает еще!

Молодой человек снова увернулся и, мельком глянув поверх головы старика, уронил челюсть. Теперь стало понятно — почему.

Стоявшая возле лодки хэнё надевала сокчиму^[12]. Сон Ён успел увидеть стекавшие вдоль тела распущенные влажные волосы, острые маленькие груди, изгиб бедер, тень внизу живота, прежде чем лицо его полыхнуло жаром. Спohватившись, он отвел глаза, сконфуженно повернулся и пошел по берегу прочь, следя, чтобы невольно не ускорить шаг под аккомпанемент летящих в спину неразборчивых, но явно ругательских слов старика.

...Конечно, хэнё плавают без одежды; на глубине что юбка, что штаны — тяжкий якорь, тянущий ко дну. Видно, в деревне заведено не выходить на берег, пока неподалеку работают ныряльщицы. Однако женщины на острове и впрямь бесстыжи: она ведь даже не попыталась скрыть свою наготу в воде или хотя бы за лодкой. Или что... хотела, чтобы он ее увидел?!

Сон Ён замедлил шаг и все-таки обернулся — достаточно далеко ушел от задиристого старика и непристойной хэнё. Парочка поднималась по дорожке в деревню. Женщина несла в одной руке сетку с добычей, другой пыталась ворошить-сушить все еще распущенные волосы. Ветер донес обрывки ее смеха. Ныряльщица тоже оглянулась, и Сон Ён наконец узнал вчерашнюю нахальную девчонку, подглядывавшую за ним в его собственном жилище.

Ну что ж, теперь они квиты!

* * *

Ха На опознала его еще в лодке — кто бы иной празднично шатался по берегу в подобной одежде и с подобной осанкой? Только янбан-невежа! Для чего, интересно, тогда приходил к нему молодой господин Ли? Тоже беспокоился о ссыльных по щедроте своего сердца? Или по приказу отца приглядывал, кабы чего непотребного не учинили? В любом случае появился он вовремя, спас и ее, и янбана. Или ей быть отлупленной, или ему — исцарапанным. Не должно драться с благородными. А правда, что у них кровь другого цвета?

Так и не узнала!

Ха На одевалась неспешно, рассматривая сегодняшний улов и прикидывая, что можно на него выменять. Раз парень из-за своей надменности по сторонам не глядит, наверняка и их лодку не заметит, чего его бояться и стесняться? Но дедушка Хван Гу все же бросился следом за «красавчиком» — воспитывать. Воспитаешь такого, как же! Тот, наверное, и половины слов не понял. А другую половину мимо ушей пропустил и дальше себе пошел.

...Бабушка вдоволь повеселилась над возмущенным внучкиным рассказом о посещении ссыльных, да и дед не отставал, шуточками непристойными сыпал. Все допытывался, как и за что ее парень хватал. Вот ведь... харубан болтливый! А отсмеявшись, бабушка велела привести служанку дворянскую: мол, коли женщина разумная, с ней и поговорит. Так что теперь нужно было как-то извернуться: и служанку изловить, и вспыльчивому янбану на глаза не попасться...

Получилось все само собой — служанка повстречалась Ха На на ярмарке. Чужачку можно было заметить сразу: и по незнакомому лицу, и по непривычно полосатой расцветке чхимы, и по манере держаться — одновременно и неуверенно, и малость надменно (домашние слуги отчего-то считают себя куда важнее обычных ноби, и даже свободных). Вот так удача! Девушка, бросив торговаться, кинулась той наперерез. Служанка даже отшатнулась, прижимая к груди сумку.

— Как поживаете, тетушка? — поклонившись, выпалила Ха На. — Помните меня?

Приглядевшись, та слегка расслабилась. Улыбнулась.

— Здравствуй, девушка. Как твоя коса, цела?

Ха На перевела про себя ее странный говор и постаралась сама произнести медленнее и проще:

— Цела. Моя бабушка хочет вам помочь. Идемте к ней.

— Ишь ты! — вмешалась вездесущая тетка Ма Ро. — С чего это старая ведьма так раздобрилась?

Ха На бросила на нее косой взгляд, но в перепалку не вступила: известно же, как свяжешься с этой горластой... Поманила служанку:

— Пошли-пошли.

Женщина неуверенно обвела взглядом лица зевак — любопытные, усмешливые, недобрые, — подобрала подол и поспешила следом.

Ступила к ним на двор осторожно, оглядываясь. Ха На осмотрелась вместе с ней. Дворик-то — обойти парой-тройкой хороших мужских шагов. Горшки для хранения кимчи, воды и кособокая печь. Дом в несколько раз меньший, чем Становище призраков (теперь янбанов, поправилась Ха На), обнесен обычной оградой из черного камня, защищающей от ветров и чужих взглядов. Перед входом повешено старое-престарое полуслепое зеркало: пытающиеся проникнуть в дом злые духи увидят свое отражение и улетят, испугавшись. Ха На втихомолку считала, что и добрым духам в него смотреться не стоит. Она сама-то выглядела в зеркале как невнятное желтое пятно...

Женщины не сразу, но разговорились: из дома доносились сухой смех-кашель бабушки и негромкие смешки гостыи. Вот пусть теперь через служанку и помогает. А у Ха На и без того дел невпроворот. Но когда бабушка приказала отдать ссыльным выловленные сегодня морские ушки... Уж на что Ха На почтительная внучка (как она сама считает, не по мнению бабушки), и то возмутилась, заспорила — от запальчивости даже при постороннем человеке. Это с чего ж она должна каким-то преступникам-бездельникам свое кровное отдавать?! А

что они будут вечером кушать сами? А на что они станут выменивать просо? А...

Бабушка пристукнула батошкой — она теперь с ним расстанется только в воде, да и то потому, что деревянная палка нырять не желает. Топнула, прикрикнула, еще и умудрилась достать-огреть упрямую внучку. Пришлось отдавать, хоть и с мысленными проклятиями: чтобы тому молодому злобному янбану подавиться ими, вкусными да жирными! С жалостью и жадностью Ха На смотрела вслед рассыпавшейся благодарностями тетеньке. Бабушка еще и лекарство из орехов дерева Биджо дала — для занемогшего старого янбана. Дворянская служанка Мин Хва о подобном чудодейственном средстве даже не слыхивала; видно, такое лечебное дерево растет только на острове. Есть чем гордиться.

Чем можно гордиться еще, Ха На не задумывалась. Их уездный город наверняка куда меньше столичного. Да и земля за Южным морем, откуда на остров присылают преступников, а также губернаторов провинции, уездных и окружных чиновников, говорят, безграничной океана. И что с того? Разве там такие, как они с бабушкой, живут лучше и сытнее? Эка невидаль — большие города! Да там и шагу не шагни, чтобы кого не толкнуть, теснотища — жуть. И про хэнё слыхом не слыхивали. Чем бы она там на рис зарабатывала?

Поймав себя на том, что спорит и доказывает все это самой себе, Ха На разогнула затекшую спину от огородных грядок и, заслонившись рукой, посмотрела на садящееся солнце. На самом деле она до страсти любила слушать истории моряков и приезжих. И пусть те частенько привирают, оттого рассказы еще интереснее. Что бы тому молодому янбану не быть поучтивей? Тогда бы она могла вволю расспросить его о том о сем. Видно же, что образованный, поездил немало, а то и учился в Срединной стране^[13] и самого императора, владеющего миром, видел! Ха На даже закричала от сожаления и досады. Досадовала наполовину на янбана, а наполовину на саму себя — правильно старики говорят, характерец у нее тот еще! И чего тогда с дворянским сыном сцепилась? Извинилась бы за беспокойство — и была такова. А там, глядишь, и он бы со скуки разболтался...

Ха На сердито хлопнула себя по затылку: не иначе как солнцем напекло! Придумала тоже — разговорится! С ней! Да из-за своей спеси высокородной он в ее сторону даже не глянет, не то что рот лишний раз раскрыть!

* * *

Сон Ёну было настолько тоскливо и муторно, что сейчас бы он обрадовался даже обществу мелкой ныряльщицы. Отец почти все время спал, а когда не спал, молча смотрел сквозь сына и сквозь темные убогие стены — в благословенное прошлое или в безрадостное будущее. Со слугами много не наговоришь: тоже подавлены катастрофой, постигшей славный дом Кимов, испуганы незнакомой обстановкой и недружелюбием жителей острова. Да и характер молодого хозяина к излишней болтовне тоже не располагает. Как глянет недобрым глазом, строгой бровью поведет... с детства был неласков и неприветлив, с возрастом, правда, нрав научился укрощать, но сейчас вот-вот огнем пыхнет... Лучше держаться от него подальше и потише!

Да и ему самому для общения со слугами хватало пары слов.

Еще этот Ли Сын Хи — сыночек уездного чиновника, пришедший вроде бы познакомиться с приезжим ровесником, а на самом деле налюбоваться и насладиться унижением знатной столичной семьи! Сон Ён выдохнул длинно и громко: получился полустон-полурычание.

Видеть его, такого самоуверенного и благополучного, и не думать при этом о собственном беспросветном положении просто невозможно!

Хотя Сон Ён очень старался. Он вспоминал и твердил строки конфуцианских трактатов, пытаясь найти в них утешение и философское смирение. До изнеможения бродил целыми днями по окрестным холмам и скалам, чтобы, вернувшись, вытянуться на постели и провалиться в черный колодезь забытья без сновидений. Вот и сейчас он бездумно брел по темному берегу, не заботясь о том, что может споткнуться о невидимый в ночи камень, да и вообще полететь с обрыва, сломав себе шею. Такой исход — что скрывать — представлялся ему даже более предпочтительным...

Он облюбовал для своих прогулок берег, на который выходили ворота дома. Местные сюда практически не наведывались, а во избежание новой шокирующей встречи с бесстыжей хэнё и ее драчливым опекуном Сон Ён каждый раз предварительно убеждался в их отсутствии.

Но такое явление увидел впервые: казалось, по кромке воды ползет какая-то морская тварь с сияющей головой. Он приостановился на обрыве, напряженно вглядываясь, и едва не рассмеялся: ну конечно же! Просто по берегу брел человек, держа в одной руке фонарь, а в другой — палку. Приманивает добычу на свет, надо полагать.

Придется подождать, пока тот уйдет подальше, а потом уже двинуться самому. Когда Сон Ён отвернулся от путеводного фонаря, ночь стала еще непрогляднее, и в этой тьме, как в старом зеркале, отразился силуэт ночного рыбака: босые ноги, закатанные штаны, чогори и... черная длинная коса. Конечно, это мог быть и парень, но отчего-то ему показалось...

Сон Ён довольно неуклюже спрыгнул с осыпающегося под ногами склона и, ругаясь на попадающие в обувь мелкие камни, двинулся наперерез.

— Эй!

Палка в руке человека взлетела и стремительно опустилась. Рыбак присел, рассматривая свою добычу.

Не показалось! Девчонка сунула в сетку что-то похожее на змею — а может, то и была водяная змея — и подняла голову.

— Чего шумишь? — сказала укоризненно. — Всех сейчас распугаешь! Какой ты неуклюжий... господин.

Так вот почему мелкая не обернулась и даже не вздрогнула от оклика: давно уже услышала его приближение. Сон Ён досадливо пожал плечами, удивляясь, что раздражается даже на такую малость; не в детские прятки же он с ней играет, в конце концов!

— И много ты в ночи наловила?

Девушка потрясла шевелившейся сеткой.

— Много, не много, сколько поймала, всё наше, — и добавила почему-то с насмешкой: — А то у нас вдруг прибавление семейства случилось! Дедушка, тетушка с дядюшкой, да еще и старший брат. И все как один неумехи!

Родственники какие приехали? Сон Ёна больше интересовало содержимое сетки. Заметив его любопытство, хэнё поднесла фонарь к добыче и, тыкая пальцем, принялась называть каждого морского гада. Сон Ён машинально шевелил губами, повторяя. Чувствовал он себя при этом дитем неразумным или вовсе чужеземцем... Да и то сказать, местные названия любую известную вещь превращают в неведомую диковинку.

— А, — сказала девчонка, как будто ей в голову пришла внезапная идея, — ну раз уж ты все равно тут...

Ловко и быстро выковыряла раковину морских ушек, тут же тонко покромсала ножом, полила чем-то, пахнущим пряно, и ткнула моллюском в губы Сон Ёна:

— Ешь!

Он хотел оттолкнуть ее руку, но с удивлением понял, что голоден — как бы не впервые за время, проведенное на острове. Мясо было тугим, упругим, пахло морем, маслом и немного — ее пальцами. Хотя он их не обнюхивал, конечно. Проглотив, увидел на протянутой ладони следующее подношение. Подношение? Скорее, это походило на кормление упрявившегося ребенка с насильственным запихиванием еды ему в рот.

— Ну вот! — сказала девица с удовлетворением. — А то что-то ты схуднул, господин. Да и шляпу не носишь, почернел на солнце, гляди, так тебя скоро с последним ноби спутают!

Из-за этой неожиданной грубоватой заботы Сон Ён великодушно простил бесцеремонность хэнё, да и саму заботу принял — словно темнота как-то сближала их, милосердно ретушируя и чумазую руку помощи, и попранную дворянскую гордость.

...Двое сидели на берегу. Между ними — фонарь; в набегавшей волне на вбитой в песок палке — сетка с добычей. Впервые запах морского берега, сырой, с примесью водорослей и рыбы, не казался тяжелым и отвратительным. Начинает привыкать, наверное.

— Как давно ты ныряешь?

Девчонка пошевелила пальцами, словно решила на них посчитать и ему показать.

— С пяти лет.

— О!

— Ну это еще поздно, — сообщила она честно. — Я слабая в детстве была, мать жалела. А потом умерла, и меня взяла бабушка. Она лучшая хэнё на всем побережье.

Говорила девчонка заметно медленнее, чем в прошлый раз, — наверное, для того чтобы он лучше ее понимал.

— Как твое имя?

— Ха На.

Сон Ён чуть не спросил машинально, к какой семье она принадлежит. Но ноби ведь не имеют фамилий, разве что клички; именуются по хозяйскому дому или, если ноби казенные, по названию местности, в которой проживают...

— А тебя? — живо спросила девица. И добавила: — Господин?

— Господин Ким.

Девчонка скорчила рожицу, которую нельзя было перевести иначе как: ну да, чего от тебя еще ждать? Поколебавшись, молодой человек добавил:

— Мое имя — Сон Ён. Иероглиф «Ён» читается как...

— Знаю, — перебила Ха На, — дракон.

— Откуда знаешь?

Ныряльщица пожала плечами.

— А что тут хитрого? Тут до Ёнвана^[14], Хранителя Востока, рукой подать. Некоторые даже его видали...

— И кому же Чхоннён^[15] показывается? — скептически спросил Сон Ён. — Шаманам и славным полководцам?

— Почему же? Моя бабушка его видела. Он ведь любит нас, хэнё. А тех, кто ему особенно к душе, даже забирает после смерти в свой подводный дворец.

Недостойно смеяться над убогими! Наивная вера в благоволение Ёнвана наверняка скрасила не одну тяжелую жизнь. Сон Ён даже решил подыграть — спросил серьезно:

— И как же он выглядит?

— Как-как! Как и положено! Зеленый, с рогами и четырьмя лапами. Пышет огнем.

— Вы, я смотрю, здесь на короткой ноге со Священными Хранителями! Может, и мне его покажешь?

Ха На глянула снисходительно, как на неразумного ребенка.

— Да как же я тебе его покажу? Мало того что он приходит только к тому, к кому пожелает, так ты еще и плавать-то наверняка не умеешь!

Сон Ён оскорбился:

— Отчего же не умею? Я даже реку Хан преодолевал!

— Речку! — пренебрежительно фыркнула мелкая. — А ты попробуй-ка зайти в море! Там течения! Волны! Да вот прямо сейчас и попробуй!

Он ведь слишком взрослый, чтобы вестись на такие детские подначки? Или она просто хвастается?

— Мне нельзя.

Ха На обрадовалась:

— Трусись?

— Думай что хочешь, — отозвался он сдержанно, — но мне нельзя заходить в морскую воду, пока двадцать пять не исполнится.

— А, — понимающе кивнула хэнё. Даже без насмешки: известно, зарок надо соблюдать. — Ну раз так, ничего не поделаешь, ходи пока посуху...

Сон Ён показал на темное море: ночь была безлунной, и только золотистая дорожка от фонаря отражалась в ленивой волне.

— Да и вообще, вдруг там сейчас меня поджидает Подводная ткачиха? Ка-ак схватит, утащит на дно морское и заставит ткать веками!

Зубы девчонки блеснули в усмешке.

— Ну уж молодых да пригожих парней она всяко к другому делу приспособит!

— А ты откуда знаешь? Может, ты и с ней знакома?

— Конечно, — отозвалась Ха На без ноты сомнения в голосе. — Встречала, и не раз, ино тут много. А в детстве даже играла с одной. Они, пока маленькие, любопытные — жуть! Подглядывают за людьми. Иногда пакостят, иногда играючи могут жемчуг подбросить. Мне вот одна все рыбу подгоняла... Жалела: мол, ничего-то я, двуногая-бестолковая, не умею...

Сон Ён слушал, не зная, верить или нет. Уж очень эта тихая многозвездная ночь с мерцающей береговой звездой-фонарем подобным историям способствовала. Сейчас бы сюда еще Мин Хва — нянька в детстве пичкала их историями о домашних духах-калинах. После таких рассказов они с сестрой по своему родному дому ходили с опаской, заглядывая за угол или за печь... Но никого так и не увидели, хотя наперебой хвастались, что каждый день духов встречают. Точь-в-точь как сейчас эта мелкая выдумщица.

— А вот и она приплыла, — произнесла девушка так обыденно, что Сон Ён поначалу принял это за продолжение рассказа. Что-то громко плеснуло совсем рядом, словно в воду упал немалый камень... или перевернулась в море крупная рыба. Если даже не целый дельфин.

— Кто это? Слышишь?

Ха На взглянула на него. Фонарь подсвечивал ее снизу, искажая черты лица — будто девчонка надела неподвижную маску какого-то танцовщика.

— Как кто? Ино.

И на берег легла белая-белая рука...

Очень длинные пальцы, будто суставов в них было куда больше, чем в человеческих, согнулись, цепляясь за песок и подтягиваясь. Из воды появилась голова, облепленная длинными, колышущимися, словно водоросли, волосами. Круглые выпуклые прозрачные, как драгоценные камни, глаза смотрели на фонарь — тот интересовал ино куда больше, чем пара людей рядом. В широком приоткрытом рту ее виднелись острые, чуть загнутые внутрь рыбы зубки, нос был приплюснут, на длинной тонкой шее трепетали щели жабр. Подводная ткачиха сплела под острым подбородком пальцы и зачарованно уставилась на огонь.

Сон Ён забыл, как дышать. Что за редкостный улов может приманить свет обычного рыбацкого фонаря! Морская ткачиха была такой дивной, ни на кого не похожей, пугающей... и одновременно прекрасной. Гладкая кожа переливалась перламутром, длинные тонкие руки поражали аристократическим изяществом, а из роскошных волос не одна кисэн^[16] могла бы сотворить себе великолепный парик.

Зато мелкая ныряльщица нисколько не растерялась — словно каждый день общается с такими волшебными существами. Достав из сетки еще живую рыбу, выложила ее на раскрытую раковину, как на тарелку, и поднесла гостю. Тонкие безреснитчатые веки опустились — ино, оценив угощение, цапнула рыбу прямо зубами. Голова и хвост еще виднелись в уголках ее рта, когда Ха На поклонилась и сказала что-то на своем диком островном наречии... или специальном языке для общения с такими сказочными водными обитателями? Во всяком случае, Сон Ён не понял ни слова.

Морская ткачиха медленно, будто нехотя, перевела взгляд с фонарика на молодого человека. Ее и без того огромные глаза расширились еще больше, сверкнули изумрудным огнем, до того ярким, что он даже зажмурился. А разжав веки, увидел, что ино заслоняет лицо длинной ладонью, словно ее саму ослепило, и поспешно пятится-отползает от них в воду. Кинула на Сон Ёна последний испуганный взгляд; раздался громкий всплеск; и только волна, вскипев, коснулась их ног...

Сон Ён озадаченно глянул на девушку. Ха На смотрела на него с таким же недоумением. — Что ты сделал?! — спросила требовательно. — Чем ты ее напугал? Что сказал?

Сон Ён справедливо возмутился:

— Да ничего я не сделал! Я даже шевельнуться не смел! Ничего я не говорил!

Хэнё внезапно схватила его за руки — Сон Ён так опешил, что беспрепятственно позволил покрутить и осмотреть свои пальцы и запястья. И отвести прядь волос с лица, чтобы исследовать уши. Но, когда неугомонная ноби попыталась оголить его грудь, терпению молодого человека пришел конец.

— Ты что творишь?! — Он от души стукнул ныряльщицу по пальцам и поправил чогори. Ха На потрясла отбитой рукой. Нисколько не смутилась.

— Я подумала, может, на тебе какой-нибудь сильный амулет от квисинов^[17]. Или, — она пристально всмотрелась в его лицо, — ты и сам какой могущественный колдун?

— О да! И чего же пожелает маленькая хэнё? Вмиг для тебя исполню!

— Сначала о себе позаботься, о, всемогущий волшебник!

И Сон Ён вернулся к действительности: словно из теплого уютного круга света, очерченного фонарем, его вновь вышвырнуло в непроглядную ночь настоящего. В ноздри ударил резкий запах рыбы и гниющих водорослей, в седалище впивались острые камни, а вкус съеденных морских ушек следовало выполоскать какой-нибудь настойкой. Да и то, что

он пару часов провел бок о бок в непринужденной беседе с какой-то ноби...

Молодой человек поднялся, отряхиваясь и разминая ноги. Сказал сухо:

— Я ушел.

— погоди!

Девчонка неожиданно сунула ему свой улов. Сон Ён растерянно уставился на слабо трепыхавшуюся сеть.

— Это... что?

— Отнеси тетушке Мин Хва, разберется, — деловито скомандовала хэнё, подхватила фонарик, крутанулась — и нет ее. Словно она и сама была каким-то духом. Только мелькание ночного светлячка да шорох осыпающихся камней на склоне...

Сон Ён брел медленно, спотыкаясь в темноте. Слева шелестели-шептались волны, и он ощущал, как пристально и настороженно наблюдает за ним ночное море — или его обитатели.

Один из которых очень испугался его.

Хотя должно быть совершенно наоборот...

* * *

Ха На несколько не удивилась, когда при следующей встрече Ким Сон Ён даже и глазом не повел на ее поклон и приветствие. Бесполезно ждать от янбана доброго слова или хотя бы взгляда лишь потому, что они пару часов разговаривали на ночном берегу, да еще вместе видели ино... а ведь небывалое дело, Подводные ткачихи застенчивы и очень редко показываются на глаза, да еще и сразу двоим людям!

И благодарности никакой не дождешься: ни за вчерашний улов, ни за то, что сегодня она бегом бежала к ним в гору, приплясывая и шипя от жара закутанного горшка с отваром для больного: бабушка велела донести его непременно горячим. Ха На стояла во дворе, ожидая, когда ей вернут посудину. Дула на ладони и уныло рассматривала волдыри в тех местах, куда все-таки плеснула кипятком. Завтра придется надевать в море перчатки — иначе до язв разъест.

— Что с твоими руками? — спросили над ухом. Девушка не успела не только ответить, но и даже оглянуться, как Сон Ён — опять подкрался, будь он неладен! — обошел ее и схватил за руку, поднимая и выворачивая, чтобы получше рассмотреть. Ха На не вырвалась только от удивления, что он вообще ее заметил и тем более коснулся. Молодой человек скривил губы, приказал застывшей в дверях служанке: — Подлечи ей руки!

И отошел на свое излюбленное место на краю обрыва. Ровно часовой на посту. Или дозорный, ожидающий заветного корабля с долгожданной вестью об освобождении. О том, что приговор был ошибкой...

Ха На подумала и поклонилась его прямой широкой спине.

— Спасибо, господин.

Тот лишь повернул голову и сказал скучно, рассматривая стену дома:

— Мин Хва слишком стара, чтобы ловить рыбу и выискивать по берегу моллюсков. Если ты заболеешь, некому будет носить еду... дедушке и старшему брату.

Значит, дошли-таки до высокоумных янбановских мозгов ее тогдашние ехидные слова!

Теребившая фартук служанка согнула спину. Вымолвила смиренно:

— Если господин прикажет, мы готовы поучиться.

Господин только дернул досадливо плечом в ответ. Ну, конечно, ему-то в голову не придет самому этим заняться, ученым да благородным такое не по чину! Известно ведь — даже если янбан тонет, он ни за что не поплывет, подобно собаке, а если замерзнет — все равно не подойдет к огню из рисовой соломы (достойный для дворянина огонь только из бездымного древесного угля)!

Ха На знала, что ссыльным выделяют какую-никакую еду, чтобы ноги не протянули, — если, конечно, не будет приказа сверху на голодную смерть. Но подозревала, что большая часть оседает на складе управляющего или самого господина Ли. Вон как парень заметно подсох — и ведь не только с горя-тоски, не оттого, что мечется целыми днями по берегу да по скалам...

Ха На терпеливо выдержала нанесение мази и повязки от сердобольной тетушки, тихонько причитавшей над ее волдырями. Поблагодарила, распрощалась со служанкой и с янбановской спиной и побежала вниз по склону, потом вдоль берега. Оглянулась на ходу. Не удержавшись, помахала на прощание торчащему над обрывом Ким Сон Ёну. Конечно, тот не ответил, даже не шевельнулся. Может, и вообще на нее не глядел.

Зато Ха На тут же была наказана за непочтительность — может, тем же токкэби^[18], покровителем Кимов, — споткнулась на изученной до пылинки тропе и разбила горшок на мелкие черепки. Ащ-щ-щ! Собрала все в подол и, горестно вздыхая, понесла домой. Дедушка Хван Гу поворчит и склеит, но воду в него теперь уже точно не нальешь. Одни убытки от этих янбанов!

* * *

Сон Ён, вытянув шею, провожал взглядом прихрамывающую ноби. Носится, будто ее квисины за подол дергают, вот и разбивает ноги и посуду! Откуда в такой мелкой девчонке столько скорости и огня?

Зато ее сил хватает на больную бабушку и, как выяснилось, теперь еще и на их семью. Его уже не оскорбляла помощь ноби — должны же они чем-то питаться, а раз у них не хватает слуг, пусть помогает кто-то со стороны! Немного смушало, что ныряльщицы делают это по собственной воле, а не по приказу, но... для того крепостные и существуют — служить господам и королю.

Отец уже понемногу передвигался по дому и даже сидел в дверях. Во двор не выходил — может, от слабости, может, не было у него желания осквернять свои стопы островной грязью. По-прежнему молчал. Но, судя по ясному взгляду, ум его не помутился от горя, как того опасался Сон Ён. Хотя... не было бы это лучшим выходом для недавно всемогущего и всеми почитаемого министра? Сон Ён подумал так и тут же устыдился. Больной и — что скрывать — старый отец проявляет в тяжелой ситуации куда больше мужества и стойкости, чем он сам. Его собственные мысли заняты только бессильным гневом и горькими сожалениями. Да еще бесконечной жалостью к себе.

Так как отец почти всегда молчал, говорить приходилось самому. Первое время Сон Ён возмущался и строил нереальные планы оправдания оболганного семейного имени. О том, что кто-то вспомнит былые заслуги и кристальную честность министра Ким Хён Чжи, разберется и снимет с них опалу. Отец не отвечал.

А если не вспоминать о потерянном прошлом, оставались только темы погоды, моря, убогости здешнего городка — по материковым меркам, просто большой деревни. Грубости и наглости местного «подлого люда». Да и сам уездный чиновник Ли недалеко от них ушел. Вместе со своим сынком. На это отец тоже ни слова не промолвил, но хотя бы не смотрел при этом с такой жалостью...

Улыбка или тень улыбки на бледном лице министра появилась, как ни странно, когда сын со смехом и с досадой поведал ему пару историй про общение с нахальной хэнё. Сон Ён так обрадовался этому, что чуть не рассказал и про то, как вместе с девчонкой повстречал некую удивительную морскую особу. Сдержался. В доме Кимов не принято было говорить ни о чем сверхъестественном — разумеется, если не считать таковыми духов предков. Нянька даже сказки детям рассказывала украдкой.

Вместо этого он передал слова мелкой о том, что местным ныряльщикам покровительствует Чхоннён. Думал, вместе посмеются над суевериями и самомнением хэнё — ведь не станет же Священный Хранитель обращать внимание на каких-то прибрежных червей? Еще и ноби к тому же.

Но отец его не поддержал. Промолвил, словно повторяя недавние собственные мысли Сон Ёна:

— Всем нам необходимо во что-нибудь верить...

Сон Ён попытался перехватить его взгляд: неужели отец потерял всякую надежду? Тогда что же им остается?! Министр сосредоточенно смотрел поверх его головы на море. Помолчал и добавил:

— Приведи мне этих двух ныряльщиц.

— Зачем?

— Хочу их поблагодарить.

Да это ноби должны быть благодарны за то, что им выпал такой редкий шанс — позаботиться о самом Ким Хён Чжи! Но молодой человек смолчал и на этот раз: за все время на острове отец впервые высказал какое-то пожелание.

— Я прикажу слугам привести их...

Отец удержал его, приподнявшегося, прикосновением руки.

— Сам. Приведи их сам.

— Я?! — поразился Сон Ён. — Но почему я должен...

Бывший министр взглянул на него из-под набрякших век.

— Потому что я так сказал.

* * *

— А за печью убрала?

— Да все уже подмела!

Бабушка замахнулась палкой — Ха На еле увернулась.

— Ах ты, ленивая девчонка! Вымела она! Вымыть надо, выскоблить как следует, а не мусор из угла в угол гонять! А не то Ёндон^[19] нам весь дом пожжет из-за тебя, неряхи!

— До второй луны-то я уж всяко уберусь, — буркнула Ха На и вновь отскочила от бабушкиной палки. Огрызнулась: — Да вымою я сейчас все, вымою!

Ветры дули холодные, небо хмурилось, бабушка даже в сотне одежек не могла долго

сидеть на дворе, разглядывая окрестности и болтая с соседями, а потому скучала в доме и немилосердно гоняла внучку. Вот и сейчас, пока ползающая на коленях Ха На отмывала пол, развлекалась, тыча палкой в невидимую грязь, а то и охаживая внучку по хребту. Чтобы не слушать ее бесконечную воркотню, девушка начала напевать себе под нос. Добравшись до порога, запела громче, а выбравшись на террасу, и того сильнее. Пусть не всегда складно, но получалось у нее звучно и душевно. Да и вообще под песню любое дело спорится. Так Ха На напевала и скребла старые доски настила — пока не уткнулась носом в чью-то обувь. Вскинула глаза: над ней, заложив руки за спину, стоял Сон Ён.

Ха На выронила щетку. Вот тебе и... не ждали! Лицо молодого янбана было мрачнее тучи: явно не с благодарностями он к ним пришел. Жаль, что на этого незваного гостя охранное зеркало не подействовало, не прогнало прочь!

Спохватившись, что по-прежнему стоит перед ним на коленях, словно выпрашивая какие-то милости, Ха На поспешно поднялась.

— Чего тебе надо... господин?

Взгляд Сон Ёна прошелся по ее лицу (Ха На тут же представила себя: разводы от пыли и пота; выбившиеся из косы, прилипшие пряди волос), по грязным рукам, по... Парень отвел глаза, и спохватившаяся Ха На одернула подоткнутые юбки.

— Отец хочет видеть тебя, — отрывисто сообщил янбан. — Тебя и твою бабушку. Собирайтесь.

Ох ты, фу ты ну ты! А ну как мы сами его видеть не хотим? Младший Ким произносил всё так, что поневоле хотелось возражать и упрямиться. На самом деле Ха На и удивилась, и заинтересовалась: чего же королевский министр, пусть разжалованный и сосланный, от них хочет? Девушка открыла было рот, но услышала за спиной бодрое и даже веселое:

— Это кто ж такой у нас в гостях?

В дверях, опершись обеими руками о палку, стояла бабушка. Задрав седую голову, рассматривала янбана. И без того узкие ее глазки щурились. Весело.

Ха На заметила, что Сон Ён попытался старой хэнё поклониться. И за этот машинальный жест простила его, даже когда янбан поспешно выпрямился и нахмурился, сообразив, кому кланяется.

— Ух ты, — сказала бабушка. — А ведь не врала внучка, когда тебя красавчиком называла!

Ха На встрепенулась:

— Когда это я его так называла?!

Заметила, что по губам парня скользнула улыбка: вон даже не виденная до сего времени ямочка на щеке появилась — и рассердилась еще больше:

— Никогда я его красавцем не называла! И не пойду я никуда!

Топнула на незваного гостя ногой и метнулась мимо бабушки в дом. Услышала за спиной ее совершенно спокойный голос:

— Погоди немного, тут посиди.

Ха На вскрикнула, когда ее дернули за косу.

— Переплети волосы да ленту новую возьми! Умойся и переоденься! Не каждый же день тебя янбаны в гости приглашают, неужто не хочешь знать — зачем?

— Да чтобы поизмываться, зачем мы еще-то им нужны, — проворчала Ха На. Она аж чесалась от любопытства. Но как представишь, что постаревший двойник Ким Сон Ёна будет через губу с ними разговаривать на пару со своим сыночком...

Бабушка подтолкнула ее костлявым плечом.

— Ты чего? Думаешь, Морская Ведьма тебя каким-то там столичным янбанам в обиду даст? Переодевайся, да поживее!

Конечно, Ха На покорила. Вот такая она послушная внучка! Хотя для порядка подулась и поворчала, но чхиму новую, всего-то года три назад сшитую, надела. И ленту, на прошлой ярмарке купленную, в косу вплела. Конечно, янбан, слонявшийся по двору, на нее даже не взглянул. Да и не больно-то надо!

Сон Ён шел далеко впереди, будто проводник какой. Оглядывался и приостанавливался в ожидании. Бабушка двигалась сегодня очень медленно. Даже не брела — ковыляла, тяжело опираясь о палку, при каждом шаге долго выбирая, куда поставить ногу. Видно, кости совсем разболелись. А впереди еще и крутой подъем... Янбан оборачивался все чаще, хмурился все больше. В очередной раз дождавшись их, процедил:

— Так мы до самой ночи не дойдем!

Хотела уже Ха На посоветовать ему... идти, дорогу в Становище призраков они знают, уж всяко не заблудятся. Но парень сделал то, отчего девушка просто онемела: опустил на одно колено, подставляя спину старой хэнё.

— Забирайтесь на меня, я донесу, — и приглашающе себя по загривку похлопал. Бабушка не заставила долго ждать: мигом взгромоздилась ему на спину, обхватила тощими руками-ногами, голову на широкое янбанское плечо уютно пристроила.

— Давай, милоч! Ха На, палку у меня возьми!

Ох, да не притворяется ли старая лиса? Глазом веселым внучке подмигивает, рот — в беззубой улыбке до ушей. Усмехнулась Ха На, головой качнула и пошла за легконогим янбаном, неся бабушкину палку на плече, словно пику.

Сон Ён аккуратно поставил старуху во дворе Становища.

— Устал, сынок? — участливо поинтересовалась старая хэнё. Ха На аж прижмурилась: сейчас ка-ак окатит ледяным презрением за «сынка», еще и отчитает, как следует с янбанами разговаривать!

— Нисколько, — отозвался тот. — Вес у бабушки, как у перышка.

А сам-то запыхался! Бабушка звонко похлопала молодого янбана по груди. Сообщила девушке одобрительно, словно та бычка на продажу привела:

— А у него хорошее тело!

Внучке пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться при виде вспыхнувших щек и ушей парня: радуйся, что шустрая ведьма тебе еще в штаны не залезла — чего-нибудь измерить! Сон Ён отвернулся от них, сказал излишне громко:

— Отец, мы пришли!

— Входите, — отозвался из дома старый янбан.

* * *

Принарядилась!

Сон Ён оценил и цветную ленту в косе... коса хороша, кстати. Может, ежедневное многочасовое ныряние способствует? Надо посоветовать столичным модницам полоскать волосы морской водою... Тут он сообразил, что вряд ли когда ему выпадет такой шанс, и разозлился на мелкую хэнё, заставившую его об этом вспомнить. Бред, конечно, но бред

весьма болезненный, заставивший его ускорить шаг, невзирая на дряхлость старшей спутницы. Лишь сообразив, что отцу придется очень долго ждать приглашенных ноби (ну что за небывалая причуда?), Сон Ён скрепя сердце взвалил старуху на спину. Благо никто не видит, да еще и младшая ехидная хэнё потеряла дар речи... жаль, что не навсегда. Немой бы ее скорее замуж взяли!

Впрочем, обе поклонились бывшему министру с должным почтением — уж за этим он проследил бдительно. Странно, но отец, всегда державшийся холодно и отстраненно даже с родственниками и с проверенными соратниками, поизучав несколько минут лицо старшей гостии, вдруг улыбнулся и перешел на самый сердечный тон, какой только возможен для столь сдержанного, высокомерного человека. Мин Хва подносила скудное угощение — большая часть его была добыта проворными смуглыми руками как раз этих двух ныряльщиц. Перехватывая ее взгляд, Сон Ён понимал, что служанка в таком же замешательстве, как и он сам.

А еще он замечал, как молчаливая — вот так неожиданность! — Ха На переводит глаза с него на отца. Надо полагать, в попытке найти что-то общее в их чертах.

Не находила.

Да и не могла найти.

Старики — Сон Ён сейчас невольно относил к ним и заметно сдавшего за ужасные месяцы отца — разговаривали оживленно, обсуждая погоду, ноющие кости, поругивали непочтительную молодежь, бессовестно забывающую обычаи предков, то ли в наше время... Он даже представить не мог, что министр Ким способен так запросто болтать на пустяковые темы... и с кем еще! Может, причиной тому накопившееся одиночество, когда вместо кишачей людьми столицы постоянно видишь только троих: слуг и собственного сына?

А может, виноват некий напиток, который прихватила с собой старая ноби: та разливала его крохотными порциями, приговаривая, что все токмо ради здоровья господина Кима... Им с мелкой не наливали. Наверное, возрастом не вышли. Или попросту жалели «целебный» напиток: уж больно мал был принесенный сосуд.

Девушка сидела в углу за отдельным столиком. Вела себя чинно, ела и пила, отворачиваясь, но при этом не спускала внимательного взгляда с необычных собеседников. Глаза цвета чуть недоспевшей смородины в полумраке комнаты посверкивали чистыми белками. Поймав себя на том, что ни с того ни с сего оценивает внешность какой-то... ноби, молодой человек встряхнулся. Что это с ним? Сказывается отсутствие хорошеньких достойных женщин? Ведь в столице он был окружен первыми красавицами двора... не говоря уж о частенько посещаемых кисэн — воспоминания столь же сладкие и будоражащие, как и горькие, когда он возвращался к настоящему.

— Ну что ж, дети мои, — услышал Сон Ён непривычно бодрый голос отца. — Идите погуляйте, дайте старшим поговорить.

— Да-да, — тут же подхватила старуха, — погуляйте, повеселитесь, что вам с нами, стариками, рассиживаться? Внушка, покажи пареньку тут всё.

Ха На замерла, не успев до конца подняться, взглянула бабушке в глаза. Переспросила:

— Всё-всё?

— Всё!

Девушка отвесила поклон опальному министру и метнулась к выходу — только коса и юбка взлетели. Снедаемый любопытством — и о чем же отец собирается секретничать со старой ныряльщицей? — Сон Ён направился следом. Мелкая стояла во дворе, нетерпеливо

постукивая носком потертой туфли. Да и чхима, хоть и чистая и тщательно выглаженная, тоже новизной и модой, даже провинциальной, не блистала. Ха На кинула на него враждебный взгляд и, круто повернувшись, направилась прочь. Скомандовала через плечо:

— Иди за мной! — и с досадой кинула в воздух: — И почему я должна это делать?!

Сон Ён двинулся следом, скорее заинтригованный, чем раздраженный поведением, за которое в иное время и в ином месте быть бы ноби нещадно битой. Наверное, его снисходительность объяснялась сегодняшним удивительным поведением отца...

Или он просто начинает привыкать.

— Как думаешь, о чем таком секретном они болтают? — спросила Ха На, вскоре тоже сменившая гнев на милость.

— Значит, есть о чем, — сдержанно отозвался Сон Ён. Не привык он обсуждать действия и поведение отца с кем бы то ни было. И не будет. Девчонка метнула на него взгляд исподлобья. Буркнула:

— Надеюсь, речь пойдет не о сватовстве!

Он даже споткнулся:

— Что-о?! — и, закинув голову, расхохотался так громко и искренне, как не смеялся, наверное, уже полгода. От души. До слез. Отсмеявшись и протерев повлажневшие глаза, обнаружил, что мелкая хэнё, склонив голову набок, вглядывается в его лицо. Констатировала с облегчением:

— Значит — нет? Ну вот и слава Небесам! Уж больно ты мне не к душе.

И, повернувшись, поскакала с козьей легкостью по каменистым уступам. Сон Ён шел за ней недовольный. Это были его слова! Это он должен был сказать, что не взял бы ее даже в качестве распоследней наложницы! Уж слишком эта мелкая шустрая! Ты ей слово — она тебе десять, да таких, что потом еще долгое время продолжаешь спорить и доказывать. Даже в ее отсутствие.

— Эй, куда мы? — окликнул он, увидев, что девчонка направляется в гору. — Мне бы не хотелось оставлять отца надолго.

— Пока с ним моя бабушка, ничего не случится! — беспечно отозвалась Ха На. — Раз велено тебе показать всю округу, давай ногами шевели. Они же у тебя длинные, чего ж ты тогда плетешься так медленно?

Сон Ён скрипнул зубами и поклялся не говорить больше ни слова. Все его воспитание, все привычки повелевали отвесить дерзкой ноби оплеухи... а то и вовсе разложить и выпороть плетью, чтобы научить почтительности и умению держать язык за зубами. А здравый смысл напоминал, что все вокруг изменилось, а значит, должен меняться и он сам. Чтобы понять, как именно, надо ждать, терпеть и наблюдать.

Они остановились, только добравшись до вершины.

— Смотри. Во-он Становище призраков... то есть твой дом.

Сощурившись, Сон Ён различил темный прямоугольник. Отсюда, с горы, все было в туманной дымке. Или они уже добрались до самых облаков? Ха На показала сверху уездный город, в котором ему предстояло теперь провести неизвестно сколько времени... неужели всю жизнь? Дома, кузницу, тюрьму, чиновничью усадьбу, склады, уступы возделанных полей на склонах, проведенные к ним ручьи-каналы. Чуть левее на горе стоял буддийский храм.

— Смотри, — снова сказала Ха На. — Видишь вон ту дорожку? С берега ее почти незаметно. Ориентир — старое высохшее дерево у самой горы. Запоминай, может, придется пробираться в темноте, без огня. Она ведет к пещере. В убежище всегда есть вода и еда на

пару-тройку дней.

— Убежище?

— Мы прячемся там, когда приплывают пираты со страны Вэн.

— На ваш берег приплывают японцы?

— Проклятые ччокпари^[20]! Охотники на людей. Берут в рабство, грабят...

— А как же войска? Флот? Они что, не защищают остров?

Девушка смотрела на него во все глаза.

— Какие такие войска? Солдаты охраняют только склады и почтовую станцию с хозяйством — там, выше по реке. Мы-то им для какой надобности?

Солдаты — слуги короля и страны. Крестьяне и ноби тоже принадлежат королю и стране и, значит, являются ценным имуществом. Но Сон Ён прикусил язык. Так-то оно так. Но он никогда не бывал раньше в провинции... так глубоко в провинции... и представления не имеет, как тут обстоят дела с охраной морских рубежей от вечно недружественного соседа. Кажется, у него будет время и возможность узнать это на практике. Закрывая и открывая глаза, Сон Ён изучил и затвердил веки, указывающие на тропу бегства. Как быстро они с отцом и немолодыми слугами сумеют добраться до убежища? Надо будет несколько раз пройти по ней, чтобы при необходимости суметь отыскать даже в темноте...

— Запомнил. Что еще?

Девчонка опять на что-то разозлилась. Направилась вниз теперь уже по полному бездорожью (трава и камни), кинув через плечо:

— Ума не приложу, что это бабушке в голову втемяшилось! Ты же наверняка из тех, кто саму ино поймает за-ради ее слез!

Сон Ён поддакнул ей в спину:

— Спасибо за подсказку! Лишний жемчуг как раз будет кстати!^[21]

Девчонка выпалила что-то на местном варварском наречии. Он был уверен, что ругательство, но поостерегся спрашивать, иначе бы пришлось применять какие-то меры, а это сейчас некстати. Что еще велела показать старая хэнё? Тайную оружейную палату? Местную сокровищницу? Вскоре ему стало не до версий. Обувь скользила на мокрой от недавнего дождя и тумана траве; на каменной реке, неподвижно текущей вниз, встречались такие валуны, что приходилось их не преодолевать, а обходить, чтобы не полететь вниз и не свернуть себе шею. Зато привычная девчонка по-прежнему скакала горной козой. Еще и оглядывалась, посмеиваясь над запыхавшимся столичным жителем. Лишь из-за этих ее насмешек Сон Ён стискивал зубы и удерживался от вопроса, когда же они придут. И куда.

Наконец путеводная... коза остановилась. Жестом приказала хранить молчание, еще и по сторонам огляделась. Раздвинув ветки кустарника, поманила его за собой и скрылась под козырьком скалы.

Холод, запах влажной земли и сырого камня. Сквозь узкую расщелину сверху в неглубокую пещеру пробивался дневной свет, и Сон Ён разглядел, как девчонка обходит выложенный старой кладкой колодец. Это случайно не здешняя тюремная яма? Не собирается ли она столкнуть туда его самого?

— Что ты там топчешься? — нетерпеливо спросила Ха На. — Иди сюда!

Присматривая за ней одним глазом — с подобной особой осторожность лишней не будет! — молодой человек заглянул вниз. Яма была глубокой, но не темной: прямо над ней расщелина расширилась, и вода изнутри отсвечивала старым зеркалом.

— Решила показать мне заброшенный колодец?

— Да смотри же!

Ха На даже надавила на его затылок, когда он не послушался достаточно быстро. Сон Ён не успел возмутиться, потому что зеркало дрогнуло. Сначала он подумал: это движутся их отражения; но вода зарябила, и по дну скользнула темная узкая тень. Опершись руками о бортик колодца, Сон Ён склонился ниже, вглядываясь. Рыба? Нет, слишком большая и... длинная для рыбы. Разве что морская змея...

Змей?

Сон Ён медленно выпрямлялся, глядя, как прибывает вода в колодце и вместе с ней поднимается гибкая стремительная тень...

Нет, обман зрения! Вода по-прежнему оставалась далеко внизу, это поверхность ее струилась и дрожала, выпуская из глубины гигантскую черную змею. Гади́на двигалась так споро и уверенно, будто забиралась вверх по дереву, а не по каменным стенам колодца. Сон Ён следил за ее приближением, словно зачарованный. Лишь когда змеиная голова, большая, размером с голову ребенка, достигла бортика, вздрогнул, отшатнулся. Попятился.

И увидел, что девушка непринужденно протягивает змее руку, как бы предлагая поздороваться. Да еще и воркует при этом:

— Что, соскучился, бедненький? Давненько тебя не навещали?

Змея уложила голову на ладонь хэнё. Может ли рептилия смотреть в глаза человеку? Эта — смотрела. Может ли змея ластиться? Эта — ластилась. Показалось ему или нет, что мелькнувший раздвоенный язык даже облобызал лицо девушки?

— Эй, — позвал Сон Ён севшим голосом. — Ты что... кто это?

Девушка повернула голову. Змея тоже.

Услышала его вопрос?

...И решила представиться.

* * *

Парень хоть и изрядно запыхался, но ни разу не пожаловался и не попросил передышки. Упрямец! И отец у него тоже упертый, сразу видно. Но старик куда мудрее и хитрее своего надменного сыночка. Как это старый янбан бабушку сразу очаровал-заболтал? О чем они сейчас беседуют с глазу на глаз? Что за секреты вообще могут быть у столичного министра и старой хэнё, никогда не бывавшей даже за пределами уезда? И почему бабушка велела показать заветное-секретное этому пришлому гордецу, который и говорить-то правильно, по-человечески не может, а понимает вообще через раз...

Вот и теперь, открыв рот, парень таращился на имуги^[22]. Еще и спросил — кто это? Как же можно не узнать имуги?

Заметивший нового гостя змей перетек через борт колодца и, шелестя чешуей, направился к нему. Мокрое тело поблескивало; плавники и четыре крохотные недоразвитые лапки скорее мешали, чем помогали передвигаться по камням. Ничего, малыш, подумала Ха На с нежностью. Дай срок — найдешь ты свою мани поджу^[23] и станешь настоящим драконом.

«Личинка дракона» закружила возле парня. Надо отдать должное — тот хоть и побледнел заметно, но не дрогнул, не побежал, когда любопытный имуги пополз по его ноге вверх. Помедлив, даже наклонился, протягивая руку, — имуги скользнул ему на запястье,

словно на ветку дерева. Сон Ён качнулся, напрягся под тяжестью змеиных колец, медленно и плотно наматывающихся на руку. Имуги дополз до плеча и остановился на уровне лица парня. Змеиная голова мерно покачивалась, выпуская и пряча язык. С любопытством наблюдавшая за ними Ха На забеспокоилась. Ведь обычно имуги был благодушен и ленив, милостиво принимал угощение, ласки и разговоры, а сейчас вел себя как настоящая змея, зачаровывающая добычу или запугивающая врага. А ну как он сейчас бросится на беднягу янбана? Вон как устался!

Впрочем, и неподвижный Сон Ён не спускал с имуги глаз: и впрямь уже околдован или перепуган? Или решил поиграть в «гляделки»? Ох, упертый! Нельзя же так вести себя с драконьим родичем! Ха На осторожно двинулась вперед, прикидывая, что делать, если разозлившийся змей сейчас вопьется в лицо непочтительного гостя. Как они, даже вдвоем, смогут справиться с имуги, представлялось плохо.

Никто из застывших людей и змей не отреагировал на ее негромкий оклик. Зато, взглядевшись в лицо Сон Ёна, девушка замерла сама. Она точно помнила, что глаза его обычного карего цвета. Но сейчас глаза парня стали зелеными. От этого и лицо его изменилось: превратилось в лицо незнакомца, чужеземца из-за Западного моря, бледного, словно мертвец. Напряженное, застывшее, но вовсе не испуганное. Сосредоточенное, как будто Сон Ён пытался что-то вспомнить. Или беззвучно говорил что-то имуги — успокаивал?

И у него это получилось: змей опустил голову и свесился с его руки вниз. Янбан поспешно и предупредительно встал на одно колено, чтобы тому было удобнее сползти на пол. Имуги так стремительно и целенаправленно рванул к своему колодцу, что Ха На аж отпрыгнула — побоялась, собьет с ног. Стек вниз.

Даже не простился.

Ха На заглянула в колодец. Солнце ушло, и черный имуги растворился в темной воде: ни звука, ни плеска. Может, он решил пролежать без движения тысячу лет, как ему и полагается?

Но все-таки странно... Ино тогда испугалась Сон Ёна, имуги... нет, не бежал, но повел себя... необычно. Может, парень и впрямь какой-то шаман, но врет или просто не знает об этом? Попробовать отвести его к мудан^[24]? Вдруг та разглядит в нем какие-нибудь таланты?

Ха На порассматривала взмокшую спину сидевшего снаружи Сон Ёна. Хмыкнула, но великодушно решила притвориться, что ничего не замечает: не каждый же день встречаешь драконьего родича, тут не только потом прошибет, а еще и обмочишься ненароком!

Парень услышал ее шаги и поспешно обмахнул влажное лицо рукавом. Сказал с натушной веселостью:

— Осталось еще только призраков увидеть!

— А надо ли? — лениво отозвалась Ха На. — Вы и так уже живете в Становище призраков!

Янбан развернулся и упер кулак в бедро. Словно всей своей позой спросил: что-о?

Ха На и объяснила — что. Рассказала про людей, некогда живших в этом самом Становище. Однажды ночью семья Ко исчезла, оставив нетронутым все свое имущество. С тех пор кто только не пробовал жить в заброшенном доме, но или сбегал после наполненных кошмарами ночей, или необъяснимо заболел, а то и помирал вовсе. Уже и буддийских монахов приглашали, и слепого от рождения шамана пансу, беседующего с духами, и деревенская шаманка мом-кут^[25] проводила — без толку. Так он и стоял пустым, пока...

— Пока в нем не поселили нас, — процедил Сон Ён.

Неспроста, ох, неспроста господин Ли отправил их в призрачный дом на отшибе, подумала Ха На. Даже вздорная тетка Ма Ро это поняла. Ведь имеются в деревне и в городе другие пустующие дома, да и ссыльные были бы там всегда под неусыпным контролем. Или уездный начальник хотел, чтобы те взмолились о пощаде, или вовсе собирался известить со свету белого: от своего ли недоброго нрава (слава Небесам, сын пошел не в него) или по чьему-то приказу...

Сон Ён поднялся, отряхнул одежду. Девушка углядела свежезаштопанную прореху. Скоро совсем поизносятся, придется переходить на одежду попроще, а янбаны ведь привычные лишь к шелкам да к рами^[26].

Произнес, будто указ издал:

— Довольно на сегодня!

И пошагал вниз по склону, не разбирая дороги.

Глядя ему вслед, Ха На возмущенно пощелкала языком: ну надо же, будто она к нему в свиту набивалась! Если бы не бабушка, ни минутки бы лишней рядом не провела!

* * *

И впрямь на сегодня было достаточно.

Он с самого начала подозревал, что их разместили так далеко не без задней мысли, но вот какой... Усложнить жизнь опальному министру? Унизить? Оградить местных деревенщин от разглашающего влияния изменщика?

А их, оказывается, просто отправили в дом, где обитают злые духи! Если, конечно, девчонка не врет. Сон Ён машинально оглянулся на оставленную у пещеры хэнё и тут же оступись. Зашипев, потер щиколотку, мысленно отругал себя: осторожнее! Разве отцу станет легче оттого, что его единственный сын сломает ногу, а то и шею?

Навряд ли Ха На выдумала историю с домашними призраками. Зачем это ей?

Тогда уж можно сказать, что врала она и на ночном берегу, показывая ему ино. Или сегодня в пещере с имуги.

Или вообще околдовала, чтобы он увидел то, чего не существует. То, что мог вообразить только в детстве: драконы-хранители, ино, великаны, квисины...

Может, стоит поинтересоваться, не дружит ли Ха На заодно и с призраками? Вот пусть и договорится, чтобы те оставили Становище по-хорошему.

Старая хэнё уже уходила. Выдавала Мин Хва распоряжения о лечении хозяина голосом, слишком мощным для столь тщедушного тела. Слушая ее, Сон Ён понял, что находит островной диалект уже не раздражающим, а скорее забавным. И начинает понимать многое с первого раза. Надо и впрямь побольше общаться с местным людом.

Держась за спину, старуха поклонилась террасе, на которой — о чудо! — сидел отец.

— Будьте здоровы, господин!

Бывший министр наклонил голову. Весьма благосклонно.

— Вам тоже не болеть, бабушка Ха Ны.

Ныряльщица обернулась и увидела Сон Ёна.

— А, нагулялись? — заглянула ему за спину. — Ну и где же моя коза?

— Где и положено, — сдержанно отозвался он. — В горах скачет.

Старуха захихикала, прикрыв рукой почти беззубый рот. Игриво толкнула его палкой в живот так, что Сон Ён покачнулся.

— Тоже скажешь!

Молодой человек не сводил с нее внимательных глаз. Старушка-хохотушка, божий одуванчик, ни дать ни взять! Но какие секреты ты хранишь еще, ныряльщица? Может, ты служишь на посылках у Священного Восточного Хранителя? Или регулярно ходишь по небесной лестнице на чаепитие к Нефритовому императору? Откуда у тебя взялось такое прозвище — Морская Ведьма?

Хэнё неожиданно посерьезнела, потянувшись, похлопала его по плечу.

— Вот бедняга! Ну-ну, паренек, не печалься! Все будет хорошо, уж я об этом позабочусь...

Подслушала его мысли? Или старуха имела в виду нечто совершенно иное? Пока молодой человек формулировал вопрос, хэнё повернулась к нему спиной и припустила по крутой тропинке с такой прытью, что оставалось только дивиться целительному воздействию таинственного напитка или общения с министром Кимом.

Сон Ён сторал от любопытства — о чем же таком секретном и важном беседовал отец с этой шустрой древней ноби, — но изо всех сил удерживался от вопросов. Они посидели рядом молча.

— Как... тихо, — наконец произнес отец.

— Первые дни мне казалось, что я просто-напросто оглох, — согласился Сон Ён.

Министр Ким поднял глаза к горам. Помолчал и добавил:

— И красиво.

— Разве? — Сон Ён повел удивленным взглядом по окрестностям. Не было в природе острова ничего, что могло бы стать усладой для глаз: слишком суровы очертания и краски скал, гор и моря. Ни вдохновения, ни отдохновения внушить они никак не могли. Тем более не поэту, а такому прожженному политику и прагматику, как министр Ким Хён Чжи.

Отец неожиданно вздохнул.

— Молод ты еще... Не понимаешь.

Известно, что дальше скажет: мол, не доросли вы, молодые, до понимания и просветления. Не так ли он отвечал на сыновьи вопросы даже об обвинениях в измене? Отец тяжело поднялся, чтобы вновь уйти внутрь дома.

И Сон Ён все же не сдержался:

— А о чем вы беседовали с этой хэнё? Отчего ей вздумалось меня жалеть?

Казалось, отец не ответит, если вовсе не приструнит не в меру любопытного потомка — таким тяжелым был его взгляд. Но все же помедлил и обронил, прежде чем шагнуть внутрь:

— Она теперь знает, что ты был нам... ДОВЕРЕН.

Сон Ён даже привстал от неожиданности.

— Вы рассказали этой... старухе, что я ваш приемный сын? Но зачем?!

Ответ донесся уже из глубины дома:

— Так нужно.

Конечно, разве ему когда-то объясняли отцовские решения и поступки? Считал ли министр, что сын обязан просто слепо повиноваться или что должен самостоятельно проникать в тайну его мыслей?

Министру Киму пришлось принять в семью постороннего мальчика, потому что жена никак не могла родить ему сына, наложницы — тоже, а дочери, даже единственной, ничего

завещать нельзя. Да и племянников мужского пола с обеих сторон не имелось. Сон Ён до сих пор не знал историю своего усыновления, откуда он родом, кто его настоящие родители. Слишком мал был, чтобы помнить. Временами он даже искренне забывал, что семья Кимов ему не родная по крови. Пусть и безоговорочно его приняла только сестрица, в свои неполные семь лет с удовольствием нянчившаяся с внезапно появившимся братишкой. Сон Ён вспоминал о ней с нежностью и тревогой. Зять, запретивший общение с опальным министром и его сыном, был совершенно прав — некогда заманчивое и выгодное родство сейчас больно ударит и по семье сестры...

Но почему министр Ким поведал об усыновлении какой-то неизвестной островной ноби? Что такого в ней разглядел отец, что решил довериться? Или...

Сон Ён пересек двор и уставился невидящим взглядом на море. Может, все случившееся сказалось не только на здоровье министра, но и на его всегда безупречном разуме? Насколько сейчас он отвечает за свои слова и поступки?

* * *

Ха На рассеянно посматривала на толпившихся у ворот чиновничьей усадьбы ныряльщиц. Взрослые женщины громко обсуждали уловы, погоду, сбежавших свиней да пьющих ленивых мужей. Девушки собирались стайками, хихикали и болтали. И хотелось к ним присоединиться, и лениво было: вчера по горам с янбаном набегались, ноги, как деревянные, после работы прилечь бы хоть на полчаса, а тут всех хэнё созвали к управляющему. Наверное, опять бранить будут. Или вовсе размер податей поднимут, вон, тетки и об этом трещат, тоже догадки строят. Как ей тогда справляться — ведь бабушка, считай, и не ныряет уже? Уговаривать управляющего не взимать налога со старой хэнё без толку — брали не со двора, а с носа. Даже с только что народившегося носа.

Против ожидания к ныряльщицам вышел не только управляющий, но и сам чиновник. Сгребаясь вместе со всеми в низком поклоне, Ха На исподтишка заглядывала им за спины. Нет, то был не сын господина Ли, как она надеялась, а какой-то незнакомец. Пока чиновник говорил — а говорил он всегда длинно, округло и непонятно, управляющий Чхве потом растолковывал народу его речи, хотя наверняка знатно привирал при этом, — девушка во все глаза смотрела на приезжего.

Поглядеть было на что.

Незнакомец был одет так необычно, ярко и красочно, что поначалу даже подумалось: какой-то богатый китаец. Шелковый бордовый халат, расписанный диковинными узорами. Необычная заколка в черных волосах. Перстни на пальцах. Но, приглядевшись, Ха На поняла, что ошиблась. Все это яркое, нарядное, иноземное служило просто обрамлением черт необычного лица. Что-то в этом лице было странным, словно стронутым с привычной точки, мучительно неправильным — и оттого заставляющим возвращаться взглядом, рассматривать его вновь и вновь. Распахнутый веер с драконами, которым мужчина отмахивался от полдневного зноя, подсвечивал красным бледные щеки. И даже очень светлые, почти медовые глаза под длинными ресницами отливали этим огнем...

Ха На встряхнулась, поняв, что очень невежливо, с открытым ртом уставилась на незнакомца. Его взгляд из-под ленивых век казался насмешливым. Подумает: ах ты, деревенская курица!

И будет прав.

Ха На отвела глаза и наконец прислушалась и к господину Ли, и ко все более громко шушукавшимся товаркам. Оказывается, самое главное с этим разглядыванием она пропустила. Приехал из столицы важный гость — вот этот многоцветный. И господин Ли собирается оказать ему услугу, одолжив самых умелых хэнё, чтобы нашли и достали то, что ищет гость. Кто добьется успеха, того щедро вознаградят. Ха На задумчиво нахмурилась: лучшей хэнё на побережье была бабушка. Но вот сможет ли она нырять? Женщины возбужденно подталкивали друг друга локтями. Все собирались попытать счастья. Ну а что? Деньги (пусть даже большую часть заберут управляющий с деревенской старостой) лишними не будут...

Управляющий Чхве словно подслушал ее мысли, зычно крикнул:

— Ха На! Где ты, девчонка? Подойди сюда!

Оглядываясь, хэнё расступились, и девушка, лишившись надежного прикрытия их широких плеч и спин, вдруг почувствовала себя все равно что голой. Быстро подбежала, поклонилась и замерла в ожидании. Господин Ли скользнул по ней равнодушным взглядом — он запоминал только хорошеньких. Зато взгляд гостя Ха На чувствовала щекой — даже потереть захотелось. Или заслониться ладонью, чтобы не горела.

— Бабушка поправилась?

— Чуть-чуть, — осторожно сказала Ха На.

— Ее бабушка — наша лучшая ныряльщица, — пояснил управляющий то ли чиновнику, то ли его гостю. — Только старая она. Почти и не ныряет уже.

— Вот как... — Приезжий так умело пользовался богатыми тонами своего тягучего голоса, что слова не таяли в воздухе, а облекались в плоть, в бархат. Бордовый или алый бархат. Об такой — мягкий и теплый — так и хочется потереться щекой. — А ты, девочка? Пошла не в нее?

Ха На едва не дернула головой: это кого он девчонкой назвал?! Сам-то, как оказалось вблизи, недалеко ушел по возрасту от вреднучего молодого янбана Кима. Это всё роскошные одежды да уверенные манеры в заблуждение вводили. Однако в присутствии господ не поспоришь и не одернешь. Поэтому Ха На склонилась еще ниже и пробормотала сдавленно:

— Простите, господин.

— Ну-ну, — сказал управляющий на редкость снисходительно — видать, перед гостем. — Старайся давай. Да скажи, чтобы бабушка потом зашла ко мне.

— Зачем же, — неожиданно возразил гость, — если старая женщина нездорова? Лучше я сам ее навещу.

Пораженные чиновник с управляющим запротестовали. Но, видать, все приезжие янбаны упрямы и своевольны. Может, большая земля им не только долговязость, но и гонор отрацивает... Отметая все возражения взмахом широкого шелкового рукава, но не забывая при этом вежливо раскланиваться, многоцветный приказал:

— Веди меня, девочка.

Ха На с сомнением глянула на его обувь — мягкие, расшитые золотыми нитями туфли вряд ли годятся для дальних прогулок по каменистым берегам. Но... пусть уж сразу обломает себе всякую охотку! Поэтому она опять поклонилась — ух, ее спина сегодня просто отвалится с непривычки! — и, повернувшись, потрусила через группу расступавшихся хэнё. Чуткий слух улавливал недовольное бурчание: женщины боялись, что вознаграждение перепадет старой ведьме и ведьмину же отродью; все знают, как старуха удачлива — видать,

в прошлой жизни спасла страну! Заметила появившегося в воротах Ли Сын Хи — тот провожал их взглядом, чуть ли впервые на ее памяти без улыбки. И девушка даже немного порадовалась, что спешит по делу и не будет сегодня переминаться перед ним, как обычно смущенная и безъязыкая.

Ха На припустила вперед, не заботясь, как там очередной янбан (что-то много их развелось в последнее время в ее жизни!) за ней успевает. Обернулась уже при спуске с горы — и испуганно отшатнулась: многоцветный следовал за ней почти вплотную.

— Напугали!

Длинная ленивая улыбка. Пара взмахов веером. Будто обозначил: да, путь длинный, да, жарко. Но ведь не устал нисколько, не запыхался, на высоком лбу даже бисеринки пота не выступило...

— Идем дальше, девочка?

Экий он... жилистый!

...Этот поклонился бабушке сразу — без сомнений, что оскорбит свое достоинство учтивостью с какой-то ноби. Бабушка, скрестив на палке руки, глядела блестящими глазами на его склоненный затылок.

— Айгу-у, внучка-то моя что ни день, то янбанов домой водит! И ведь один другого краше!

— Ну что вы, бабушка Ха Ны (ох, ну надо же, оказывается, он ее имя запомнил, а то все девочка да девочка!), — возразил приезжий, — разве может быть кто-нибудь меня краше!

Бабушка засмеялась, закашлялась, и янбан поспешно подхватил ее под костлявый локоть.

— А давайте-ка присядем! Беседа будет долгой. Я надеюсь.

Бабушка покивала, открыто и пристально рассматривая его лицо, — да, вежливостью, вернее, *невежливостью* Ха На пошла в нее.

— Внучка, принеси нам ячменного напитка!

Многоцветный гость чиновника Ли просидел у них добрый час. Расспрашивал у бабушки про местные течения да водовороты, про обломки кораблей, которые иногда прибывает после шторма к берегу, не находила ли она на дне того да сего... Больше всего его интересовали драгоценности. Похоже, из искателей затонувших сокровищ. Но что-то не слыхала Ха На, чтобы на побережье случались крушения богатых караванов. Разве что рыбацкие лодки иногда пропадают. Прощался гость, непрерывно кланяясь, улыбаясь и приговаривая, что, если бабушка поправится, будет рад нанять ее для поисков за очень щедрое вознаграждение. Но так и не сказал, поисков чего и где. Боялся, разболтают?

Бабушка долго глядела вслед рослой фигуре в цветастых одеждах. Глаза по-прежнему прищуренные — зрение-то слабеет, — но уже серьезные. Пробормотала:

— Что же не так с этим парнем? Вроде всем хорош: и красавец, и почтительный до зевоты. Что не так?

И бабушка тоже это почувствовала? Но Ха На привычно поперечила:

— А министерский сынок тебе, значит, сразу к душе пришелся?

— Что б ты понимала! — процедила старая хэнё. — Тот наш, местный, хоть и пришлый. А этот — чужак! — и неожиданно замахнулась на внучку. — Не вздумай с ним якшаться! Как бы он ни улыбался и в глаза ласково ни заглядывал, поняла? И работать не соглашайся, а то я тебе все руки-ноги переломаяю! Если придется, сама с ним разберусь. Поняла?

Ха На отступила от разбушевавшейся бабули подальше.

— Поняла-поняла, чего это с тобой сегодня?

Та присела на краешек террасы, отдышалась и утерла рукавом лоб.
— Ох, аж в жар бросило!

* * *

Это что еще за... явление?

Сон Ён глядел вслед незнакомцу в непривычно роскошных (для острова) одеждах. В таких только на центральных столичных улицах в паланкине прогуливаться. Приезжий с островной столицы? Или вовсе с материка? Уже открыл рот: окликнуть, познакомиться, услышать свежие новости и свежие сплетни. Но закрыл и опустил поднятую руку. Помни, кто ты теперь есть! Не всякий благородный человек тебе сейчас ответит, да и вообще взглядом удостоит. Удел изгнанников — утрата не только родины, друзей, статуса, но и уверенности в самом себе. Сон Ён окинул взглядом свою одежду и печально хмыкнул: да и потеря внешнего вида тоже. Интересно, что за обноски выделит им со временем уездный чиновник? С собственного плеча или лохмотья с последнего ноби снимет?

Конечно, он сам здесь окреп и закалился, пусть и потеряв взамен белизну кожи, холеность и столичную томную изнеженность, но незнакомец двигался по скалистому бездорожью настолько уверенно, быстро и легко — позавидуешь. Мужчина остановился на склоне. Ветер трепал его пламенную одежду: казалось, что на горе зажегся костер. Обернулся. Может, окинуть взглядом морские просторы, но Сон Ён отчего-то сразу решил: смотрит на дом ныряльщиц. А то и вовсе исключительно на Ха На. Снующая по двору девчонка отсюда сверху напоминала залетевшую в дом пчелу, бьющуюся в стены и окна в поисках выхода.

Человек двинулся по дороге в город. И не лень же было ноги бить с визитом к каким-то нищим хэнё... Кстати, а что за дело приезжему франту до этих самых ныряльщиц, старой да малой?

Сон Ён направился к хижине — исключительно из скуки и праздного любопытства. Глянул поверх ограды: нет, девчонка двигалась вовсе не хаотично, как виделось с горы. Просто пыталась делать все сразу: варить, гладить, раскладывать водоросли для просушки... И, разумеется, непрерывно болтать при этом. Ему сразу же захотелось приковать ее к месту — чтобы не мельтешила перед глазами. А также вставить кляп в рот, чтобы наконец замолчала. Впрочем, рассуждения мелкой, что же все-таки ищет этот приезжий, его заинтересовали. На самом деле — что? И почему господин Ли позволил постороннему заниматься поисками на вверенной ему территории? Или этот человек влиятелен, или же пообещал поделиться... чем-то.

Старая хэнё заметила его первой. Помахала рукой.

— А вот и наш Ён пришел! Заходи, чего ты там торчишь за оградой, жердь жердью?

Наш Ён! Молодой человек шагнул во двор, одновременно и раздосадованный, и странно согретый этим простодушным приветствием. Привыкает, что ли? И даже мелкая, тут же столкнувшаяся с ним в своем вихреобразном движении: «Вот вечно эти янбаны как встанут на дороге, не обойти их, не объехать! Здравствуйте, господин!» — тоже была привычной, как шум близкого моря за каменными стенами.

— Садись. — Старуха похлопала рядом с собой по отскобленному добела старому дереву террасы. — Ты сегодня ел? Ха На!

— Да ел он, ел! — буркнула пробежавшая мимо по близкой орбите мелкая. — Видишь, аж морда от жира лоснится!

— Ну ты, девчонка!..

Ха На зыркнула на бабушку и на самого Сон Ёна, но на следующем круге со стуком выставила перед гостем чашки с ячневой кашей, изрядно заквашенным кимчи и еще какими-то печеными кореньями. В иное время он бы скривился, а то и вскипел от негодования на такую непритязательную пищу, но... Теперь он знал, что ему отдают если не последнее, то предпоследнее. Да и вообще не в его нынешнем положении едой перебирать. Так что Сон Ён медленно жевал, глазел на девчонку — та носилась по двору, напевала, поглядывала косо. Не будь здесь бабушки, наверняка бы еще и рожи ему корчила. Слушал вполуха воркотню старой хэнё: про ноющие кости; про то, какое море нынешним летом холодное, а девчонки-ныряльщицы ленивые; что такому молодому рослому парню есть надо хорошо (против этого никаких возражений не имелось); про бесконечно растущие налоги... Встрепенулся, когда старуха заговорила о недавнем госте. Не поверил:

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Хэнё — «женщины моря», корейские профессиональные ныряльщицы, добывающие со дна морского разнообразные морепродукты (*кор.*).

Чогори — блуза, которую в составе ханбока женщины носят с юбкой чхима, а мужчины — со штанами паджи (*кор.*).

Ноби — крепостной (*кор.*).

Янбан — чосонский корейский дворянин (*кор.*).

Кимчи — блюдо корейской кухни, остро приправленные квашеные овощи, в первую очередь пекинская капуста (*кор.*).

Тток — рисовые клецки, пирожок, сделанный из клейкого риса. Превратиться в тток — измучиться, быть в разбитом состоянии, после пьянки (*кор.*).

Ван — правитель, король (*кор.*).

Читается как Сонг.

Южное море — так называли пролив Чеджу, Корейский пролив.

Ино (человекорыба) — русалка, обитающая в Восточном (Японском) море возле острова Чеджу. Имеет шесть-семь длинных ног, человеческую голову и тело, руки-плавники, хвост тонкий и длинный, как у лошади. Ткет без устали, поэтому другое название — Подводная ткачиха. Детей выкармливает грудным молоком (*кор.*).

Харубан (тольхарубан) — «каменный дед», фигура старика на островах Чеджу, У из лавы, базальта с вытаращенными глазами, удлиненными носами и ушами. Защищает деревни от злых духов (*кор.*).

Сокчихима — нижняя юбка, платье на бретелях, надеваемые под ханбок (*кор.*).

Срединная страна — Китай.

Ёнван, Ёнсин — цари драконов, хозяева водной стихии, хранители четырех морей (*кор.*).

Чхоннён (Сасин) — зелёный дракон, царь Восточного (Японского) моря, страж Востока (Весны) (*кор.*).

Кисэ н (кинё) — куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора — тому, что необходимо для развлечения мужчин из высших классов на банкетах и вечеринках. Они подавали еду, напитки, за деньги оказывали интимные услуги, но не были проститутками как таковыми (*кор.*).

Квисины — духи, демоны (*кор.*).

Токкэби (токкаккви — одноногий бес, ходжу — повелитель пустоты) — нечистая сила. Появляется обычно в сумерках в безлюдных местах. В токкэби могут превращаться предметы, долго бывшие в употреблении: веник, кочерга, сито, тряпье. С человеком дружит, хоть и подшучивает. Особенно любит людей с фамилией Ким. Поэтому его иногда называют Учитель Ким (*кор.*).

Ёндон — домашний дух. Во время второй луны прячется за самой большой балкой, следит за чистотой в доме и угрожает за грязь пожаром (*кор.*).

Ччокпари — кривоногие (с раздвоенными копытами) — намек на национальные японские носки с отдельным большим пальцем.

Плененная ино льет слезы, которые превращаются в жемчужины.

Имути (исими) — огромный морской змей, много лет неподвижно пролежав в воде, может стать драконом, получив драгоценную жемчужину. Обитает в пещерах, водоемах, колодцах. Дух, приносящий счастье (*кор.*).

Еый поджу (мани поджу) — драгоценная жемчужина, исполняющая желания владельца. С ее помощью имуги взлетают на небо (*кор.*).

Мудан — женщина-шаман, беседующая с духами (*кор.*).

Мом-кут — шаманский обряд вызова духов (*кор.*).

Рами — вид растений из семейства крапивных родом из Восточной Азии (*кор.*).